

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4810632>

Ночью тени гуще

Направленность: Гет

Автор: К П (<https://ficbook.net/authors/183375>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер»

Пейринг или персонажи: Колин Криви/Луна Лавгуд

Рейтинг: R

Жанры: Драма, Мистика, Учебные заведения

Предупреждения: **Насилие**, **Смерть второстепенного персонажа**

Размер: Мини, 15 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Колин хочет сделать суперрепортаж, а Луна навещает невидимых ночных существ и ищет странное место. Может ли случиться, что их цели пересекаются?

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Пытки, квазиперемещения во времени, сомнительная мораль, завиральные теории миропорядка от Луны. Написано на заявку к одному из старых Беливов: "Луна Лавгуд/Колин Криви. Два сумасшедших, один фотоаппарат и слишком много общего". Пейринга не вышло (тут скорее прегет), а вот фотоаппарат и сумасшедшие - вполне.

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

Жизнь творческого человека сложна и полна взлётов и падений. Иметь талант недостаточно. Упорно работать, развивая его, тоже недостаточно. Порой нужна удача, везение, случай, который натолкнёт на мысль, подскажет образ, чтобы ты перестал слоняться по пустым коридорам и искать. Так думал Колин Криви, пребывая в пучине творческого кризиса.

Пятый год он делал фоторепортажи на яркие, интересные темы из жизни волшебников. Правда, пристроить их пока не удавалось, но разве такая мелочь волнует истинного творца? Когда-нибудь, когда историки начнут всерьёз работать над описанием этого времени, его колдофото найдут и используют, и дети будущего станут изучать по ним историю.

Только вот беда: за пять лет Колин отснял всё, что можно найти интересного в закрытой школе для волшебников. Не охваченные стороны жизни ведьм и колдунов выходили далеко за пределы его теперешних возможностей — и, пожалуй, было бы непросто получить разрешение заснять их. Поиск новой темы затянулся, и в отчаянии Колин обходил заново те места, где на самом деле искать было уже нечего.

Так он попал в библиотеку. Шикарный репортаж о Запретной секции давно дожидался своего часа, полностью готовый, а больше ничего особенного Колин здесь не находил. Но в этот день за одним из столов, у самого окна, сидела Луна Лавгуд. Солнечные лучи совершенно потрясающим образом освещали её волосы, и руки Колина сами схватились за фотоаппарат. Он поторопился, наугад выставил выдержку — боялся, что Луна повернёт голову и испортит отличный кадр. Оставалось надеяться на собственный опыт, ведь вспышка, конечно, привлекла её внимание.

— А, это ты, — улыбнулась она. — Фотографируешь солнечных пупырок у меня в волосах, да? Они милые.

И тут он вспомнил, кто она такая. Луну Лавгуд считали полоумной, и это могло стать темой! Обычным людям любой волшебник кажется чокнутым, это же подумать только, каким должен быть человек, которого считают чокнутым волшебники! Наверняка этот репортаж станет бомбой — ну, или стал бы, если бы не Статут. Но в любом случае это может оказаться интересным, и всего-то надо взять толковое интервью и сделать несколько колдофото.

Творческий кризис рассосался, будто его и не было никогда. Колин решительно подошёл к Луне и спросил:

— А зачем у тебя в волосах эти пупырки?

— Чтобы волосы пупырить, — охотно объяснила она. — Пышнее причёска становится. Если ты хочешь поговорить, то давай выйдем отсюда, а то мадам Пинс сердится.

— Нет, нет, — перепугался Колин; он ещё не был готов к настоящему интервью, — я сейчас уйду и не буду тебе мешать, но, может, мы могли бы встретиться и поговорить

ближе к вечеру?

Луна на секунду задумалась, потом кивнула.

— Хорошо, сразу после ужина я свободна.

К ужину Колин набросал черновик интервью. Понятно, что всё выходило очень приблизительно, ведь если человек чокнутый, значит, его реакции непредсказуемы, и предугадать ход интервью не получится.

Луна сидела за столом Рейвенкло в смешной вязаной шапке. Она совсем не обращала на Колина внимания, и он подумал было, что придётся напоминать ей про интервью, но когда она закончила ужинать и поднялась из-за стола, то сразу нашла его взглядом, приветливо кивнула и только тогда пошла к дверям.

Колин нагнал её у выхода из Большого Зала.

— А зачем тебе шапка? — спросил он.

— Во-первых, пупырки боятся того места, куда я пойду после разговора с тобой. Они наотрез отказались вытряхиваться из моих волос на ночь. А во-вторых, у меня светлые волосы, они даже в темноте видны. Ночные существа будут недовольны.

— Ночные существа? — переспросил Колин. Он слышал, что Луна Лавгуд постоянно выдумывает каких-то странных тварей, разговаривает с ними и рассказывает про них всем, кто не успел убежать. Но разве ребятам из его городка не показались бы полной ерундой его рассказы о Хогвартсе? А вдруг Луна не выдумывает, а правда что-то знает? А вдруг ему удастся заснять существ, сказочных даже для волшебников? Такой репортаж совершенно точно будет интересен, и талант Колина наконец признают! — Послушай, — спросил он, — а ты не возьмёшь меня с собой туда, где они водятся? Я бы их сфотографировал.

— Не знаю, — неуверенно протянула Луна, — они испугаются твоей вспышки...

— Ты подумай, подумай хорошенько! Если я сфотографирую их, ты ведь получишь доказательства того, что они существуют, тебе все станут верить! Прекратят говорить, что ты выдумываешь и всё такое.

— Это неважно, — отмахнулась Луна, — но, может быть, если люди убедятся, что они и правда существуют, то перестанут мешать им? Знаешь, им очень тяжело, их гнёзда постоянно разоряют, уютные местечки, где им хорошо, переделывают. Скоро магическим существам даже в магическом мире будет негде жить.

— Вот видишь, им это нужно!

— А ещё, — задумчиво продолжала Луна, — моему отцу, наверное, мог бы пригодиться толковый фоторепортаж. Для «Придиры», — пояснила она.

Колин кивнул. «Придира» был, конечно, изданием одиозным, но какая разница, где выйдет репортаж века? Он любой рекламный листок сделает популярным.

Конечно, всё это могло оказаться полной ерундой и выдумками полоумной. Но что, если нет?

— Хорошо, — серьёзно кивнула Луна, — я возьму тебя с собой. Но ты должен пообещать, что будешь слушаться. Ночные существа не любят чужих и не любят, когда их беспокоят попусту.

— А ты... ну... не попусту?

— Я их почти не беспокою. Просто смотрю, в порядке ли они. Ты обещаешь?

— Да, обещаю, конечно! Я хочу сфотографировать их, а не спугнуть.

— Тогда пойдём, я покажу тебе.

Луна взяла Колина за руку и уверенно повела куда-то. Они несколько раз свернули, и вскоре он совсем запутался в коридорах Хогвартса. Было совершенно несложно представить, что где-то здесь действительно живут существа, про которых давным-давно забыл весь магический мир, привыкнув считать их выдумкой.

— А почему ты ходишь сюда вечером? — шёпотом спросил Колин.

— Обычно ночью, — негромко ответила Луна. — Ночью тени гуще, и им легче спрятаться. Они чувствуют себя увереннее. А днём им кажется, что они как на ладони, их всем видно... Это неудобно, и они забиваются в глубокие щели, заползают в тень, прячутся в паутине.

Колин кивал, вглядываясь в темноту. Где-то здесь — а может, чуть дальше — наверняка что-то есть. Может, и не те создания, про которых говорит Луна, но что-то здесь определённо есть. Что-то настолько волшебное, что сами волшебники считают это сказкой.

В эту ночь он так и не расчехлил фотоаппарат. Луна рассказывала про ночных моргалок, которые любят пугать людей — это они шутят, когда идёшь по тёмному коридору и кажется, будто кто-то следит за тобой или просто стоит в темноте. Показывала места, где днём прячутся сонные мрыги, для которых звук человеческого голоса такой громкий, что может разорвать их маленькие тела надвое. Рассказывала, как строят себе гнёзда пылевика, стаскивая их по пылинке, и как расстраиваются, когда Филч убирает их. А Колин слушал её, время от времени кивая, и вспоминал свои старые колдографии.

Они, специалисты-фотографы, называли это «артефакты». Странные пятна, которые всегда появлялись на снимках, сделанных в темноте.

Когда Колин оказался в Хогвартсе впервые, он снимал почти всё время. Вокруг царило волшебство, в каждой ступеньке лестницы, в каждой гримасе портрета. И в темноте ему

тоже чудилось всякое, и он снимал и снимал, надеясь увидеть что-то особенное. А видел только артефакты.

Только? Или стоило уделить им внимание?

На вторую ночь он снова ждал Луну в одном из тёмных коридоров, борясь со странным желанием: фотографировать её. Она выглядела так по-особенному, идя по спящему Хогвартсу, что ему хотелось сделать серию снимков и потом собрать из них сказку о хозяйке заколдованного места, обходящей свои владения и разыскивающей раненого оленёнка, о котором ей рассказали верные волшебные слуги.

На третью ночь Колин подумал, что чутьё никогда не обманывало его, и просто спросил:

— Луна, а что ты ищешь?

Она посмотрела на него немного удивлённо.

— Ты заметил? Обычно никто не замечает. Я ищу... — она запнулась. — Я не знаю названия для этого. Знаешь, некоторые места со временем становятся особенными. Если там пережили много радости, когда-то на этом месте человек просто так улыбнётся, у него улучшится настроение, он вспомнит что-то приятное. А некоторые места, наоборот, помнят зло. Когда-то давно там, например, казнили людей — а через много лет маньяк станет прятать там трупы своих жертв. Не потому, что что-то знает, просто это место будет притягивать его. Хогвартс — очень старый замок, и он не просто так был построен именно здесь. В Хогвартсе и рядом с ним есть места добра и места зла, обычно они уравнивают друг друга, и тогда рождается магия. И мне кажется, в последнее время место зла стало... перевешивать, наверное, так будет правильно.

— И что случится, если оно перевесит? Магия исчезнет?

— Нет, куда же ей исчезать. Новая не будет появляться, но её и так хватает. Просто зло умножается, это плохо. Люди начинают ссориться, кричать друг на друга по пустякам, враждовать. Равновесие нарушается. Ты не замечал, что когда начинается какая-нибудь война, люди становятся злее? Я тоже не замечала, при мне ещё не случилось войны, точнее, я не помню. А папа помнит, и он говорил мне, что сначала злиться начинают все. Потом немного берут себя в руки, стараются совершать добрые дела, но это непросто делать. Это потому, что в такие времена места зла становятся как бы плотнее, значимее.

— И что там происходит?

— По-разному, — Луна пожала плечами. — Бывает, там рождаются дементоры. Бывает, заводятся мозгошмыги или рассорки. Рассорки самые безобидные, они просто заставляют людей придирааться друг к другу по пустякам. А вот мозгошмыги ненамного менее опасны, чем дементоры, потому что они наводят бардак в голове. Перепутывают мысли, меняют местами, разворачивают задом наперёд, проедают в них дыры, как будто ходы. Была у тебя мысль: «Хочу подарить маме розу и билет на поезд до Парижа», а остаётся: «Хочу бросить маму под поезд». Ну, а про дементоров ты и сам знаешь.

— Знаю, — поёжился Колин. — И ты ищешь такое место, чтобы его уничтожить?

— Нет, что ты! Его нельзя уничтожать! Ведь равновесие необходимо, если одно такое место исчезнет, другое обязательно образуется, только неизвестно где. А представь, если оно возникнет посреди спальни мальчиков, например? Или в кабинете чар? Его же не убрать просто так. Надо узнать, где оно и чего можно ждать от него, и всё. Если получится, можно защитить его от беды. Знаешь туалет Плаксы Миртл? Это одно из таких мест. Миртл бережёт его, не даёт расширяться, и всё равно там постоянно случается что-то плохое.

Колин сглотнул.

— А добрые места?

Луна улыбнулась.

— Ну, одно из них возле той двери на третьем этаже, ты должен вспомнить.

— А, это, — пробормотал Колин, покраснев. На третьем этаже действительно была особенная дверь. На неё, как и на многие другие, под Рождество вешали омелу, но именно у этой двери парочки всегда останавливались поцеловаться. Её так и называли: Целовальная дверь. Сначала Колин думал, что это такая хогвартская традиция, но вскоре выяснил: многие сначала решают немедленно поцеловаться и только потом замечают, что стоят именно возле Целовальной двери. Это считали одним из проявлений магии Хогвартса. — Можно я тебя сфотографирую? — вконец смутившись, вдруг выпалил он.

— Меня? — удивилась Луна. — Зачем?

— Ну, ты... особенная здесь. Ночью. Особенная. Можно? Кадр хороший.

— Ладно. Я должна как-то специально встать или просто не шевелиться?

— Не шевелись, — пробормотал Колин, привычным жестом вскидывая фотоаппарат.

Затвор клацнул, вспышка осветила бледное лицо Луны. Она стояла вполборота, немного удивлённая, немного озабоченная, и это выражение лица, такое непохожее на её обычное, просто невозможно было не снять. Луна сейчас была совсем другая, не та, которой Колин привык её видеть — а точнее, не видеть, скользнуть по ней взглядом, не обращая особенного внимания. Сейчас на неё невозможно было не смотреть.

А ещё она не шурилась под вспышкой. Почему-то Колин подумал, что такой и должна быть настоящая волшебница. Глупая мысль, достойная первокурсника.

Он клацнул затвором ещё раз, и ещё. Луна подождала, пока он опустит фотоаппарат, и улыбнулась.

— Покажешь потом, что получилось?

— Конечно! — горячо заверил её Колин и сам застеснялся собственной горячности.

На девятую ночь они уже встречались, как старые компаньоны. Кивнули друг другу и, не сговариваясь, пошли в коридор, который не успели обойти накануне.

Колин фотографировал редко — не хотел пугать вспышкой тех, кто, может быть, действительно здесь живёт. Но иногда Луна была не против пары снимков, и потом Колин подолгу разыскивал на них что-то особенное. Артефакты порой казались ему силуэтами, а порой — просто пятнами, и он искал дальше. Искал что-то неоспоримое, уверенный, что на самом деле держит тайну за хвост. Нужно только немного везения, правильная мысль и, может быть, удачный ракурс.

Ночная Луна всё так же отличалась от дневной, и это не давало Колину покоя. Он рассматривал её колдофото и искал разницу — но разницы не было. Луна и Луна.

Дневная Луна и ночная Луна. Две разные девушки.

— Что ты так смотришь на меня? — спросила она, и Колин понял, что вот уже несколько минут не сводит с неё глаз, идя рядом.

Ответить было нечего, и он, сам не зная почему, вдруг сделал то, что показалось ему единственно правильным в тот момент: осторожно обнял Луну за плечи и поцеловал. Она потянулась ему навстречу, отвечая на поцелуй с искренним интересом, а когда их губы разомкнулись, улыбнулась и указала куда-то в сторону.

— Ты тоже нашёл это место, — сказала она.

Колин стоял как дурак и смотрел на Целовальную дверь.

Потом он много думал об этом поцелуе. Наверное, парни в его возрасте не должны столько думать о девчонках, это как-то... неприлично.

На двенадцатую ночь Луна встретила его словами:

— В Хогвартсе ничего нет. Пойдём искать дальше.

— Дальше? — глупо переспросил Колин. — Куда это?

Луна пожала плечами.

— В Хогсמיד для начала. Если и там не найдём, обойдём Запретный Лес.

— А ты уверена, что такое место именно здесь? Ну, где-то рядом.

— Уверена, — Луна решительно кивнула. — Я его чувствую. Оно уплотняется, или расширяется, или я не знаю, что оно делает. Оно работает.

— Откуда ты знаешь? — упрямо продолжал расспрашивать Колин.

— Иногда я начинаю злиться ни с того ни с сего. Вот сейчас, например, мне хочется топнуть ногой и сказать, что если ты не веришь, можешь идти спать, а я сама всё найду, только тебе не достанется никакого репортажа, о котором ты так мечтаешь. Зачем я хочу это сказать? Для чего мне хотеть сделать тебе больно? Это ведь глупо. У меня нет ни одной стоящей причины, у меня даже никчёмных причин нет. И такое случается постоянно. У нас постоянно все ссорятся, и наверняка не только у нас, просто я в других гостиных не бываю. Люди волнуются, тревожатся. Все говорят про возрождение Того-Кого-Нельзя-Называть, спорят.

— Ты думаешь, он правда возродился?

— Я думаю, что я ничего не думаю. Глупо иметь мнение о том, в чём совершенно не разбираешься. Но что-то плохое определённо происходит. Так мы идём?

— Да, конечно, — спохватился Колин.

Ночной Хогсמיד был — или по крайней мере казался — поразительным местом. Или дело в Луне, которая любое место превращала в поразительное? Колин вглядывался в пляшущие тени и то и дело вскидывал фотоаппарат, но вспышка не высвечивала ничего особенного.

Луна молчала. По её собственным словам, существа, которых вспышка могла напугать, на улице не жили.

Колин часто ходил по этой дороге днём и теперь мог с уверенностью сказать: ночью она выглядела иначе. Деревья стояли иначе — или отбрасывали неправильные тени, и оттого казалось, будто они стоят иначе. Камни, которыми была вымощена дорога, как-то совершенно непривычно ложились под ноги.

А потом они с Луной прошли мимо дома, которого здесь совершенно точно не было.

— Не останавливайся и не оборачивайся, — сказала Луна, не сбавляя шага, — нам показали то, что мы ищем, будь вежлив. Это услуга из тех, которые неприлично замечать.

— Показали? — переспросил Колин. — То есть мы не сами нашли?

— Сами бы мы нашли это место таким, какое оно сейчас, — объяснила Луна. — А нам показывают, каким оно было раньше. Посмотри, вон то дерево слева, оно совсем крошечное. Помнишь его?

Колин вздрогнул. Он помнил. Этот ствол, изогнутый под странным углом, невозможно было не помнить. Ещё неделю назад здесь рос вяз в три обхвата. Сейчас он был тоненьким, словно его посадили лишь незадолго до рождения Колина.

— А зачем нам это показывают? — спросил он почти шёпотом.

— Я же говорила тебе, на этом месте раньше творилось что-то очень-очень злое. Мы сразу поймём, что это за место, если увидим... Ой, да вот же оно.

Луна резко остановилась, и Колин налетел на неё. Ночную тишину прорезал мучительный стон.

Колин завертел головой, пытаясь понять, где же они. Круглая площадь... Сбоку обрыв, его заслоняет телега... Напротив... Да, здесь должно быть «Сладкое королевство». Только вместо него какая-то совсем другая лавка...

Стон повторился, и Колин наконец набрался смелости выглянуть из-за спины Луны.

Посреди площади стоял эшафот. Колин ни на секунду не усомнился, что это именно он. На эшафоте чернело какое-то чудовищное сооружение, в темноте его трудно было рассмотреть в подробностях. Оно щетинилось крючьями и поблёскивало острыми гранями. На нём, видимо, на нескольких крючьях, висел человек. Колин, не соображая толком, что делает, шагнул ближе, пытаясь рассмотреть несчастного. Он был раздет, и его тело покрывали многочисленные раны. Кровь медленно капала на помост. Руки человека были неестественно вывернуты в локтях, и он висел на них, стараясь не шевелиться — по-видимому, любое движение причиняло ему чудовищную боль. Ног ниже колен у него не было: они были довольно неровно не то отрублены, не то отпилены. Раны потом прижгли — по крайней мере, они не кровоточили.

— Это лобное место, — ровным, безжизненным голосом сообщила Луна. — Здесь пытали и убивали людей. Да, это именно то, что мы искали. Не трогай здесь ничего! — воскликнула она, но Колин, не слушая её, нагнулся и взял в руку горсть тёмного, мокрого от крови песка. — Не трогай... — безнадежно повторила она, словно сама понимала, что уже поздно. Колин смотрел, как песок медленно сыпается с его пальцев, сваливается слипшимися комками, оставляя на пальцах следы.

Он поднялся.

— Как ты думаешь, здесь можно фотографировать? — негромко спросил он.

Какое-то время Луна молчала, потом ответила:

— Я думаю, что нас, конечно, сразу прогонят. Но мы ведь уже увидели всё, что надо. А колдографии могут оказаться полезными — если, конечно, получатся. Фотографируй.

Когда фотоаппарат жадно впрыгнул в руки, Колин вспомнил василиска. Как он приближался и медленно поворачивал голову, а Колин пытался сделать самое главное: нажать на кнопку затвора. Успеть. Что потом — неважно.

Он был такой глупый тогда. Смерть фотографа не гарантирует, что репортаж будет закончен.

Палец лёг на кнопку. Вспышка. Человек на крючьях вскрикнул и дёрнулся. Вспышка.

Колин понял, что странный мешок слева, от которого так дурно пахнет, — полуразложившийся труп. Вспышка. Из подвешенной у них над самой головой клетки скалится скелет. Вспышка. Выблеск стального шлема. Вспышка. Меч в чьей-то руке.

— Эй, вы кто такие? Что делаете здесь, нечестивцы?

Вспышка. Луна берёт его за руку. Вспышка. На них бежит дядька, поднимает меч. Вспышка. Рыжий дядька. Вспышка...

Ничего. Тихая, мирная площадь, цветные шарики пляшут над дверью «Сладкого королевства». Рядом с тем местом, где когда-то стонал растянутый на железных крючьях человек, — детская карусель.

Колин медленно нажал на кнопку ещё раз.

— Идём отсюда, — сказала Луна. — Мы уже всё увидели, теперь надо хорошенько это обдумать и понять, что делать.

Он молча кивнул и дал ей себя увести.

Уже раздеваясь в своей спальне, Колин заметил, что его руки всё ещё в кровавом песке. Ругнулся сквозь зубы, пошёл в ванную, но кровь не смывалась. Песок смылся, а тёмные пятна — нет. Ещё раз ругнувшись, Колин пошёл спать так.

Солнце ударило в глаза. Заскрипели ржавые цепи — с них снимали совсем истлевший труп, чтобы нацепить новый. Перепуганный крестьянин огромными глазами смотрел на место своей смерти, покуда разодетый глашатай монотонно зачитывал приговор. Если бы у приговорённого были развязаны руки, он бы непрестанно крестился, но руки ему накрепко связали за спиной, и он лишь неслышно шевелил губами — шептал молитву.

Истлевшего мертвеца бросили на телегу, совсем рядом с крестьянином. Кости рассыпались, покатился череп, уткнулся в ногу приговорённого, скалясь в своей обычной жуткой ухмылке. С него свисали клочья кожи и пряди волос. Глазницы были чисты, словно вычищены нарочно — вороны постарались.

Крестьянина сдёрнули с телеги, подвели к эшафоту. Вокруг стояли люди, негромко перешёптываясь. Колин стоял среди них, не в силах оторвать взгляда от происходившего на лобном месте.

Крестьянина растянули на цепях, подвесив за руки. Глашатай возвестил, что за свои преступления, содержание которых Колин прослушал, сей злодей будет подвергнут пыткам, после чего оставлен здесь умирать от голода и жажды.

Палач подошёл к своей жертве, ощупал руки и ноги, проверил, хороши ли узлы на верёвке. Потом взял с колоды, стоявшей здесь же — видимо, на ней рубили головы, — молот и показал толпе. Толпа одобрительно загудела. Не торопясь, явно стараясь сделать свою работу хорошо, палач перехватил молот поудобнее и стал крошить кости приговорённого — сначала в ногах, потом в руках. Казнимый кричал, толпа слушала

молча, иногда неодобрительными возгласами реагируя, если палач нечаянно ударял не слишком сильно или вовсе попадал мимо. Такое случалось редко: он знал своё дело. Но всё же случалось. Колину вдруг пришло в голову, что палач, пожалуй, слишком осторожен. Видимо, хочет подольше сохранить приговорённому жизнь. От этой мысли ему стало особенно противно, и он смог наконец оторвать взгляд от казни.

Мимо площади шла какая-то девушка, и Колин вдруг понял, что ему надо, необходимо поговорить с ней. Но ведь он в толпе... Впрочем, нет. Его желания оказалось достаточно: он перенёсся прямо к ней, совсем юной девице в жёлто-чёрной мантии.

— Простите, — пролепетал он, — вы же из Хаффлпаффа, верно?

Она смерила его удивлённым взглядом.

— Да. А ты кто таков? Я не видала тебя в Гриффиндоре.

Она говорила по-старинному, но понять было можно. Колин бросил взгляд на собственную одежду — точно, на нём школьная мантия. Но постойте, в толпе он видел на своих руках холщовую рубаху... А, неважно. Это магия.

— Я, видите ли, немного из другого времени. Очень издалека, неопасно. Скажите, пожалуйста, как такое случилось, что в магическом поселении, прямо под стенами Хогвартса, казнят магглов? Простите мою глупость, но в моё время здесь дети гуляют, сласти едят...

Девушка посмотрела недоверчиво.

— Какой-то ты и впрямь странный, человек. Верно, и правда из времени не нашего. Магглы здесь всегда жили, ты, что ли, думал, Хогвартс в безлюдном месте построили? А кто тогда камни таскал, мастер Салазар да мастер Годрик? Или, может, волков подговорили лесных? Со временем магглов тут всё меньше, но они цепляются за свои дома, за могилы предков, так, что никакими чарами их с места не сдвинешь. Ещё, поди, лет триста их отсюда выживать. — Она вздохнула. — Эх, хотела бы я здесь побывать, когда ни одного маггла вокруг!

— А они, ну, не видят волшебников?

— Отчего не видеть? Видят. Знают, что я школярка, потому и платье чудное такое. Среди них-то нет таких, кто бы в школяры подался, крестьяне одни да мелкие ремесленники. Они знают, что школяры наезжие, и чтобы с ними учиться, надо грамоте уметь. А кто ж тут грамоте-то умеет?

— Глашатай один, верно, — бормотнул Колин.

— Да и глашатай неграмотный. Он просто знает, чего в пергаменте написано должно быть, много годков уже работает. А что тебе надобно-то здесь, гость?

— Я толком и не знаю, — честно признался Колин. — Я и одна девушка — мы хотели

разобраться в важном вопросе, а нас сюда вынесло. Значит, вроде как тут ответ. А теперь зачем я здесь, мне неизвестно, ответ-то мы получили уже. Может, как раз с тобой должен был встретиться. Спасибо тебе, что поговорила со мной.

— Да было бы за что, — пожала плечами девушка. — Сделай милость, если увидишь кого из учителей, не говори им, что я с тобой тут разболталась, а не то мне влетит. Нельзя же так запросто с теми, кто между временем бегают.

— Не скажу.

Ночь накрыла его, будто подушкой, так резко, что Колин поднёс руку к лицу, пытаясь защититься. Светила полная луна. Остро пахло кровью и...

Псиной?

Полная луна! Не раздумывая больше, Колин взлетел на ближайшее дерево и вжался в толстую ветку.

Волчий рык раздался совсем рядом. А следом за ним — хриплый шёпот. Колин прислушался. Кажется, кто-то читал молитву.

В лунном свете Колин увидел, как трое волков вышли на площадь. То ли эшафот не пустовал вообще никогда, то ли Колину показывали самые яркие сцены, но на сей раз на помосте были трое: повешенный, судя по исходящей от него вони, давно мёртвый, истекающий кровью колесованный, точнее, недоколесованный, ещё живой, и крепкого вида парень, просто привязанный к столбу. Он и читал молитву. Закончив одну, начал другую — Колин расслышал слова «Богородице Дево».

Волки деловито обнюхали то, что считали своим ужином. Двое неспешно принялись обглаживать умирающего — видимо, запах крови делал еду ещё более вкусной в их глазах. Третий, пристально глядя на шепчущего молитвы парня, неторопливо подошёл к нему.

— Не тронь меня, Христом-Богом прошу, — жалобно сказал парень, но волк лишь оскалился в ответ. В этот момент у Колина исчезли последние сомнения: это точно оборотень, он ведь понял человеческую речь.

Прыгать волк не стал. Просто подошёл, когтями разорвал на человеке одежду и вырвал кусок мяса из его бока. Парень истошно закричал, ему вторил хрипящий из последних сил колесованный. У Колина помутилось перед глазами, руки разжались, и он упал с дерева, больно ударившись спиной. Успел ещё увидеть, как резко повернулись волки, как встопорщилась шерсть на загривках...

Перед глазами был золотой грифон на красном поле. «Одеяло», — сообразил Колин. Он наконец проснулся. Это просто утро. Обычное утро.

Колин вытащил руки из-под одеяла. Тёмные пятна почти сошли. Может, и сны скоро прекратятся?

За обедом Луна сказала ему, что они никуда сегодня не пойдут.

— И завтра, наверное, тоже, — добавила она. — Мне надо посидеть в библиотеке.

Колин хотел сказать, что знает кое-что, но почему-то смолчал. Кажется, он тоже должен был обдумать всё это, прежде чем делать выводы и сообщать о них Луне.

Ночью он снова видел сны. В них людей разрывали лошадьми, сжигали заживо, вешали, рубили и распиливали на куски. Правда, Колину больше не удалось ни с кем поговорить, но он перестал удивляться тому, что раньше здесь жили магглы, а теперь — нет. Они просто перебили друг друга, да и всё.

На следующую ночь он решил, что достаточно узнал о способах казней в средневековой Британии и пора провести ночь как-то иначе. И отправился в Хогсמיד.

«Сладкое королевство» вывесило большой плакат, на котором плясали конфеты. На площади не было песка — её замостили, а вокруг карусели колыхалась, будто желе, большая надувная подушка, на ней корчили рожи смешные человечки.

В стороне метнулась какая-то тень, и Колин, не раздумывая, клацнул затвором верного фотоаппарата.

Хлопок раздался совсем рядом. Сильная рука, затянутая в чёрное, крепко ухватило его за горло. Заплясали перед глазами огненные саламандры.

— Ты что здесь делаешь, щенок? — прорычал низкий голос. — Подглядываешь? Ты кто такой?

Отвечать Колин всё равно не мог — ему передавили горло. Все его силы уходили на то, чтобы не выпустить из рук фотоаппарат, который он успел спрятать под мантией. У него там был самоприклеивающийся лоскут специально для фотоаппарата, именно на такой случай. Впрочем, странный человек, похоже, и не ждал ответа. И ещё он, кажется, не понял, что вспышка была не результатом заклинания.

— Это что ещё такое? — раздался ещё чей-то незнакомый голос сзади.

— Да вот мальчишку поймал, вынюхивал здесь что-то.

— И чего ты его рассматриваешь? Авадой, и пошли отсюда.

— А вдруг чистокровный? Лорд не порадует. Он не велел, ты же помнишь.

— Ладно, хорошо. Поставь его на землю.

— Джагсон, где тебя черти носят? — крикнули издалека.

«Ничего себе тут оживлённо ночью», — подумал Колин, стараясь не упасть, когда его

почти отшвырнули от себя.

— Иду я, — рыкнул тот тип, который ухватил его за горло, и действительно пошёл. Второй нацелил на Колина палочку и негромко произнёс:

— На первый раз прощаю, на второй убью. Обливэйт.

На реакцию Колин не жаловался никогда, но здесь он до последнего боялся, что опоздает. Ему просто повезло. Ему в последнее время вообще сильно везло, наверное, это Луна притягивала удачу. Произнесённое заклинание, второй Пожиратель — а Колин уже не сомневался, что это были именно они, — немедленно пошёл прочь, к своим товарищам.

И не увидел, что Колин успел поднять фотоаппарат. Невидимый луч заклятья со странным хрустом вошёл в металл — и...

И ничего. «Обливэйт разбивается о преграды, — подумал Колин. — Записать»

Наутро он всё же отправился искать Луну, нашёл её в библиотеке и сбивчиво рассказал о своих снах, о странной встрече в Хогсмиде — и о колдофото, которые проявились все до единого.

— Не представляю, кому можно продать такой репортаж, — сказал он с сомнением, — всё же путешествия во времени запрещены, и хотя мы вроде бы ничего такого не делали...

— Мы делали, — серьёзно возразила Луна. — Я просила, чтобы мне помогли, так нельзя. Но ты прав в том, что нас никто не обвинит. Визенгамот не верит в тех существ, с которыми мы с тобой встречались.

— Но и репортаж не возьмут, — беспечно ответил Колин. Он уже привык к тому, что самые сенсационные снимки публиковать не получается. Такова судьба всех репортёров. — Но мы можем рассмотреть детали, может, это поможет. И это последнее колдофото, с Джагсоном... Оно наверняка потом пригодится Визенгамоту как доказательство... чего-нибудь.

— Наверняка, — кивнула Луна. — Они же не просто так там ходят. Место зла, наверное, притягивает их. Надо вечером сходить посмотреть, только пораньше и осторожно, чтобы к отбою уже вернуться.

Они вернулись не к отбою, а намного раньше. Бежали бегом, а потом с двух сторон трясли профессора Макгонагалл и требовали срочно проводить их к директору. Она сначала требовала объяснений, но потом сама позвала профессора Дамблдора. Тот появился не сразу, однако выслушал их внимательно и заверил, что сейчас же сообщит обо всём в аврорат.

Несколько следующих часов Колин и Луна, не замечая течения времени, стояли в Астрономической Башне и смотрели, как по Хогсмиду бегают огни. Авроры вытаскивали из магического тайника, который даже в волшебном поселении никто бы не нашёл, если

бы не знал, где искать, изуродованные трупы растерзанных магглов. Десятки трупов на разной стадии разложения. Словно играя с профессором Дамблдором, своим главным врагом, страшную шутку, Пожиратели складывали жертв своих преступлений прямо у него под носом.

Чётко на том самом месте, где несколько сотен лет назад стоял эшафот.

Откуда они знали? Или это просто чудовищное совпадение, удобное место?

Да чем же оно удобное? Утоптанная площадь, хорошо замощённая, людная до поздней ночи...

— Их тянуло сюда, — уверенно сказала Луна, глядя на далёкие огни Хогсмида. — Я уверена. Даже мне на том месте хочется делать всякие плохие вещи. А ещё там недавно Милли Бустроуд с Дафной Гринграсс подрались. Вцепились друг другу в волосы, их мальчики растаскивали. Я видела.

Наутро «Ежедневный Пророк», естественно, принёс новость. В Хогсмиде нашли массовое захоронение магглов, в основном — родственников магглорожденных волшебников. Убийцы неизвестны, ведётся следствие.

— То есть как — неизвестны? — опешил Колин. — Я же профессору Дамблдору колдофото отдал!

Луна пожала плечами. Они разговаривали возле кабинета чар: сегодня первое занятие у Гриффиндора было как раз с Рейвенкло.

— Папа говорит, аврорат совершенно не умеет работать. — Она вздохнула. — Не надо было им говорить.

— Как — не надо было? То есть пусть бы эти тела там и лежали, что ли?!

Луна посмотрела на Колина, как на сумасшедшего.

— Ты что, правда думаешь, что они перестанут убивать? Просто тела станут прятать где-то в другом месте. И через сто лет там, может быть, возникнет ещё одно место зла. Зачем это? Лучше знать, где они, я же говорила...

— Знать — и ничего не делать?..

К дверям подошёл профессор Флитвик, и они замолчали. Сейчас было не время для разговоров.

До вечера Колин как следует продумал все аргументы для спора с Луной. Но когда они встретились, она вместо приветствия закрыла ему рот рукой.

— Ничего не говори. Я знаю, что ты скажешь, у меня есть друзья-гриффиндорцы и кроме тебя. Вы не можете просто наблюдать и ничего не делать. Но я прошу тебя, попробуй

понять. Когда наступает ночь, с ней не надо бороться. Сама по себе ночь не страшна, страшны те твари, которые иногда приходят, пока темно. Когда солнце садится за горизонт, его становится будто бы не видно. Но ты ведь знаешь, что оно есть, правда? Просто сейчас оно светит кому-то, кто живёт чуть дальше на земном шаре, а потом будет светить ещё кому-то, и ещё — пока ты будешь погружаться во тьму. Со временем земля обернётся вокруг своей оси, и солнечный свет вернётся. Помни об этом, хорошо? Помни, что солнечный свет вернётся. Обещай мне, что ты доживёшь до рассвета. Пожалуйста. Обещаешь?

Колин посмотрел на Луну.

— Обещаешь? — повторила она.

Он вспомнил казни, которые видел во снах. Интересно, те магглы — в основном мужчины, но иногда и женщины, — обещали ли они своим любимым и друзьям, что выживут, что вернутся домой, что будут жить долго и счастливо и наплодят десяток детишек?

«Убью», — вспомнил он негромкий голос Пожирателя. Этот совершенно точно не шутил.

— Я постараюсь, Луна, — честно сказал он. — Я очень постараюсь.

Она яростно замотала головой.

— Нет, ты не понимаешь! Постараться недостаточно! Каждый, кто останется в живых, понимаешь, каждый, кто сможет победить зло — а ранняя смерть ведь тоже зло, — поможет сдержать место зла, которое мы с тобой нашли. Когда мы живём, мы подпитываем собой, своей магией или места зла, или места добра, и связываем те, которые не поддерживаем. Ты же хочешь что-то сделать с ним? Так сделай! Убив тысячу врагов, ты не поможешь делу! Ты обязательно должен выжить, понимаешь? Обещай!

Колин посмотрел в её светлые глаза. Потом поднял руку и пристально всмотрелся в собственную ладонь, ища на ней тёмные пятна.

Пятен не было — или он не заметил.

Он стоял и всматривался в свою ладонь, а Луна ждала. Он вспоминал лица тех, кто умер на лобном месте, напивав его своей болью и кровью. Лица не вспоминались: он в основном смотрел на их раны. Вспоминались крики, кровь; иступленный шёпот — «Богородице Дево...» — и волчий рык; хруст, когда молот обрушивался на кости... Колину представилось, как он падает от Авады и молчаливой тенью становится с ними рядом, и распухает чёрная жижа, невидимая глазу, чавкает сыто.

Он же гриффиндорец, в конце концов. Отвага и благородство. Он должен что-то сделать, должен остановить...

— Я обещаю, — он решительно кивнул.

Луна облегчённо вздохнула и обняла его. Солнце, уходящее за горизонт, осветило на

прощание её волосы.